

Джим Форест

БИОГРАФИЯ ДОРОТИ ДЭЙ (8 ноября 1897 — 29 ноября 1980)

Дороти Дэй, основательница «Движения Рабочих-Католиков / The Catholic Worker Movement», родилась в Бруклине, штат Нью-Йорк, 8 ноября 1897 года. Пережив землетрясение в Сан-Франциско, в 1906 году, семья Дэй переехала на съемную квартиру в Южном районе Чикаго. Это был большой шаг вниз по социальной лестнице. Он был вызван тем, что отец Дороти, Джон Дэй, остался без работы. Именно с этого момента для Дороти началось понимание того, что чувствуют люди,

когда они терпят неудачу и опускаются на дно.

Там же в Чикаго у Дороти начало формироваться положительное впечатление от католицизма. Позже не раз в жизни она вспоминала мамину подругу, набожную католичку, которая молилась рядом с её кроватью. «Я почувствовала такую вспышку любви к ней, которую никогда не забуду», — вспоминала Дороти. Когда Джон Дэй был назначен спортивным редактором «Чикагской газеты», семья Дэй переехала в комфортабельную квартиру в Северном районе города. Здесь Дороти начала читать книги, которые волновали ее совесть. Роман Эптона Синклера «Джунгли», вдохновил Дороти совершать длительные прогулки в соседние бедные кварталы в Южном районе Чикаго. Это стало началом для неё всей её жизни влечения к тем сторонам жизни, которых большинство избегает.

У Дороти был дар находить красоту посреди городского запустения. Серые улицы были приправлены острыми ароматами: герань и рассада помидоров, чеснок, оливковое масло, жаренный кофе, запах хлеба и булок из булочных. «Здесь», — говорила она, — «я находила для себя достаточно красоты».

Дороти добилась права получать стипендию, что позволило ей учиться в университете штата Иллинойс, в студенческом городке Урбане до конца 1914 года. Но она училась неохотно. Ее чтение было, в основном, радикального социального направления. Она избегала обычной жизни университетского городка и настаивала на том, чтобы самой обеспечивать себя, а не жить на средства своего отца.

Два года спустя, бросив университет, она переехала в Нью-Йорк, где нашла работу репортера в газете «Вызов / The Call», в единственной ежедневной социалистической газете города. Она посещала собрания и демонстрации и брала интервью у разных людей: от лакеев до профсоюзных

лидеров и революционеров. Затем она работала в журнале «Массы / The Masses», который выступал против американского участия в войне в Европе.

В сентябре почтовое ведомство запретило пересылку этого журнала по почте. Федеральные агенты захватили предыдущие номера, рукописи, список подписчиков и корреспонденцию. Пять редакторов были обвинены в подстрекательстве к мятежу.

В ноябре 1917 года Дороти была арестована за то, что она была одной из сорока женщин, протестовавших перед Белым домом против исключения женщин из списков избирателей. Попав в сельский исправительно-трудовой лагерь, женщины подверглись грубому обращению. Они ответили голодовкой. В конце концов они были освобождены в соответствии с президентским указом.

Возвратившись в Нью-Йорк, Дороти почувствовала, что журналистика была слишком слабым ответом миру, находящемуся в состоянии войны. Весной 1918 года она пошла на курсы по программе обучения медсестер в Бруклине.

Ее суждение, что общественный строй несправедлив, никак существенно не менялось от юности и до смерти, хотя она никогда не отождествляла себя ни с одной политической партией.

Ее религиозное развитие было более медленным процессом. Ребенком она посещала Епископальную Церковь. Молодой журналисткой в Нью-Йорке она иногда посещала вечернюю службу в католической церкви св. Иосифа на Шестой Авеню.

Атмосфера католической службы привлекала её. В то время как она еще очень немного знала о католическом учении, католические традиции очаровывали ее. Она видела Католическую Церковь как «Церковь иммигрантов, Церковь бедных».

В 1922 году, работая репортером в Чикаго, она жила в одной комнате с тремя молодыми женщинами, которые посещали мессу каждое воскресенье и каждый церковный праздник, и каждый день находили время для молитв. Для нее стало ясным, что «богослужение, благоговение, благодарение, молитвы... были самыми благородными действиями, на которые мы способны в этой жизни».

Дальше была работа в газете в Новом Орлеане. Живя недалеко от кафедрального собора Св. Луи, Дороти часто по вечерам посещала службу.

Вернувшись в Нью-Йорк в 1924 году, Дороти купила дом на берегу Стейтен-айленда, на средства от продажи права на экранизацию ее романа. Тогда же начался её четырехлетний гражданский брак с Форстером Баттерхемом / Forster Batterham, английским ботаником, с которым она познакомилась через своих друзей в Манхеттене. Баттерхем был анархистом, выступавшим категорически против брака и религии. В таком жестоком мире он находил невозможным верить в Бога. В то время как вера Дороти в Бога была непоколебимой. Дороти огорчало, что Баттерхем не ощущал присутствие Бога в окружающем нас естественном мире. «Как же не

может быть никакого Бога», — спрашивала она, — «когда есть все эти чудеса?» Его раздражение на ее «растворение в сверхъестественном» вскоре привело бы их к ссоре.

Но то, что их разлучило — это ее беременность. Она уже была беременна однажды, несколькими годами ранее — результат ее любовной интриги с одним журналистом — что привело к большой трагедии в ее жизни, к аборту. Это событие и его ужасное последствие стали предметом ее романа «Одиннадцатая девственница / The Eleventh Virgin». Аборт, как решила несколько лет спустя Дороти, сделал ее бесплодной. «В течение долгого времени я думала, что не смогу родить, и в моем сердце росло сильное желание иметь ребенка», — доверительно писала она в своей автобиографии «Долгое одиночество / The Long Loneliness». «Мой дом, я чувствовала, не был настоящим домом без него».

Ее беременность от Баттерхема показалась Дороти не чем иным как чудом. Но Баттерхем не верил, что можно оградить детей от этого мира, полного насилия.

3 марта 1927 года родилась Тамара-Тереза Дэй. Лучшее, что могла сделать Дороти с благодарностью, переполняющей ее, это совершить крещение Тамары в Католической церкви. «Я не хотела, чтобы мой ребенок сомневался, поскольку я сама часто сомневалась в своей жизни. Я хотела верить, и я хотела, чтобы мой ребенок верил, и если принадлежность к Церкви могла дать ей такую несомненную благодать, как вера в Бога, и общение со святыми, тогда она должна была принять католический обряд крещения».

После крещения Тамары, произошел окончательный разрыв с Баттерхемом. 28 декабря Дороти пришла в Католическую церковь. Начался период в ее жизни, когда она пыталась найти способ примирить свою религиозную веру и свои радикальные социальные взгляды.

Зимой 1932 года Дороти отправилась в Вашингтон, округ Колумбия, сделать репортаж о Марше Голодных / the Hunger March для журналов «Общественное благо / Commonweal» и «Америка / America». Дороти наблюдала протестующих, которые шли вниз по улицам Вашингтона, несли плакаты, призывающие создать рабочие места, обеспечить социальное страхование по безработице, пенсии по старости, пособия для матерей и детей, бесплатное здравоохранение и жилье. Дороти заставляло оставаться в стороне то, что она была католичкой, а марш был организован коммунистами — партией, находящейся в состоянии войны не только с капитализмом, но и с религией.

Это было 8 декабря, в день празднования Непорочного Зачатия. После наблюдения за маршем, Дороти пошла в церковь Непорочного Зачатия, где она выразила свои мучительные сомнения в молитве: «я произнесла особую молитву, молитву, со слезами и страданием, которая открыла мне еще один путь: использовать имеющиеся у меня способности для моих братьев рабочих, для бедняков».

На следующий день, возвратившись в свою квартиру в Нью-Йорке, Дороти встретила Питера Морина / Peter Maurin, французского иммигранта, который был на 20 лет старше ее.

Морин, бывший ранее членом Христианского Братства, оставил Францию и в 1908 году переехал в Канаду, а позже — в США. Когда он встретил Дороти, он был наставником в католическом лагере для мальчиков на севере штата Нью-Йорк, получая за это питание, возможность пользоваться библиотекой, местом в сарае — для ночлега — и иногда получая деньги на карманные расходы.

За время своих странствий Морин пришел к францисканскому взгляду на бедность как на призвание. Его холостяцкая, независимая жизнь располагала временем для исследований и молитв, в которых видение принимало форму общественного строя, построенного на основных ценностях Евангелия, «в котором для людей легче будет совершенствоваться». Прирожденный преподаватель, он нашел желающих выслушать его, среди них был Джордж Шустер / George Shuster, редактор журнала «Общественное благо», который дал ему адрес Дороти Дэй.

Столь же замечательной, как и предопределенность их встречи, была готовность Дороти выслушать его. Их встреча показалась ей ответом на ее молитвы. Он был тем, кто смог помочь ей понять то, что она должна была сделать.

То, что должна была сделать Дороти, сказал Морин, это начать выпуск газеты, чтобы провозгласить католическое социальное учение и побудить людей начать действовать, чтобы вызвать мирное преобразование общества. Дороти с готовностью ухватилась за эту идею. Если семьи больше нет, а опыт работы и религиозная вера и подготовили ее к чему-нибудь, то именно к этому.

Дороти узнала, что издательство «Paulist Press» согласно печатать 2 500 копий восьмистраничной газеты за 57 долларов. Ее кухня стала редакцией новой газеты. Она решила продавать газету по цене 1 цент за экземпляр, «настолько дешево, чтобы каждый мог позволить себе купить ее».

1 мая 1933 года первые экземпляры газеты «Рабочий-Католик / The Catholic Worker» были розданы в парке «Юнион Сквер».

Немногие издательские начинания обретали такой незамедлительный успех. К декабрю уже 100 000 экземпляров печатались каждый месяц. Читатели нашли в «Рабочем-Католике» уникальный голос. Он выражал неудовлетворенность общественным строем и поддерживал профсоюзы, но его видение идеального будущего бросало вызов и урбанизации и индустриализму. Издание было не только радикальным, но и религиозным. Газета не просто выражала недовольство, но и обращалась к своим читателям с просьбой присылать свои личные отклики.

В течение первой половины года «Рабочий-Католик» был всего лишь газетой, но как только пришла зима, бездомные начали стучать в дверь. Эссе Морина в газете призывало к возобновлению древней христианской

практики гостеприимства к бездомным. Таким образом последователи Христа могли ответить на слова Иисуса: «Я был странником, и вы приняли меня». Морин выступал против идеи, что христиане должны заботиться только о своих друзьях, а заботу о незнакомых перелagать на безличные благотворительные организации. Каждый дом должен иметь свою «Комнату Христа» и каждый округ — свой Дом Гостеприимства, готовый принять «посланников Бога».

Редакторам газеты, окруженным нуждающимися людьми и увлеченными добровольцами, которых взволновали идеи, обнаруженные ими в «Рабочем-Католике», неизбежно вскоре представился шанс претворить в жизнь свои принципы. Квартира Дороти стала образцом для многих появившихся позднее Домов Гостеприимства.

К зиме, была арендована квартира для десяти женщин, а вскоре после этого и жилье для мужчин. Затем все переехали в Гринвич-Виллидж. В 1936 году сообщество переселилось в два здания в Китайском квартале, но никакое расширение не могло создать места для всех нуждающихся. Главным образом это были мужчины, как писала Дороти: «серые мужчины, цвета безжизненных деревьев и кустарников и земли осенью, те, кто не имел пока еще ни одного зеленого листа надежды, пробуждаемого соком веры».

Многие были удивлены что, в отличие от большинства благотворительных центров, никто из Рабочих-Католиков не стремился приступить к их перевоспитанию. Распятие на стене было единственным безошибочным свидетельством веры тех, кто их радушно принимал. Штатные сотрудники получали только пищу, стол и иногда карманные деньги.

Рабочие-Католики стали национальным движением. К 1936 году по всей стране насчитывалось уже 33 здания Рабочих-Католиков. Из-за Великой Депрессии, появилось множество людей, нуждающихся в них.

Отношение Рабочих-Католиков к тем, кого они принимали, не всегда оценивалось по достоинству. Временами неодобрительно говорили, что те были не «бедными, достойными помощи», а алкоголиками и бездельниками. Пришедший с проверкой социальный работник спросил Дороти, как долго «клиентам» разрешено оставаться. «Мы позволяем им остаться навсегда», — с суровым выражением на лице ответила Дороти. «Они живут с нами, они умирают с нами, и мы устраиваем им христианские похороны. Мы молимся за них после их смерти. Как только они приняты, они становятся членами семьи. Или скорее они всегда были членами семьи. Они — наши братья и сестры во Христе».

Некоторые оправдывали свое неодобрение цитатами из Библии. Разве Иисус не говорил, что бедные всегда будут с нами? — «Да», — однажды ответила Дороти, — «но мы недовольны, что многие станут ими. Классовая структура создана нами и с нашего согласия, а не Богом, и мы должны сделать всё, что мы можем, чтобы изменить это. Мы настаиваем на революционных переменах».

Рабочие-Католики экспериментировали и с сельскохозяйственными коммунами. В 1935 году был арендован дом с садом на Стейтен-айленде. Вскоре после переселения «Фермы Мэри» в Истон, Штат Пенсильвания, собственность, в конце концов, была брошена из-за конфликтов внутри коммуны. Другая ферма была куплена в провинции штата Нью-Йорк около Ньюберга, названная «Домом Отступления из Фермы Мэри». Ей была уготована более продолжительная жизнь. Позднее появилась «Ферма Питера Морины» на Стейтен-айленде, которая позже переехала в городок Тиволи, и затем в Марльборо (оба в Гудзонской Долине). Дороти пришла к пониманию, что призвание Рабочих-Католиков не столько в нахождении наилучших моделей сельскохозяйственных объединений, сколько в создании сельских Домов Гостеприимства.

Что доставило Дороти больше всего проблем, так это ее пацифизм. Ненасильственный образ жизни, насколько она могла это видеть, был в основе Евангелия. Она всерьез, как и ранняя Церковь, была охвачена призывом Иисуса: «возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечем погибнут» (Мф., гл. 26, ст. 52).

В течение многих столетий Католическая церковь приспособлялась к войне. Римские папы благословляли армии и проповедовали Крестовые походы. В тринадцатом столетии св. Франциск Ассизский восстановил пацифистский путь, но к двадцатому столетию такая традиция католиками была утрачена.

Первым выражением Рабочими-Католиками своего пацифизма стал диалог между патриотом и Христом, изданный в 1935 году, патриотом, отклоняющим учение Христа как благородную, но непрактичную доктрину. Немногие из читателей были обеспокоены такими статьями до начала Гражданской войны в Испании в 1936 году. Фашисты, во главе с Франко, выставляли себя защитниками католической веры. Почти все католические священники и издания объединились в защиту Франко. «Рабочий-Католик» отказался поддерживать какую-либо сторону в этой войне, потеряв из-за этого две трети своих читателей.

Те, кто поддерживают Франко, предупреждала Дороти с самого начала войны, должны «бросить взгляд еще и на недавние события в [нацистской] Германии». Она выражала беспокойство относительно положения евреев и в дальнейшем стала одним из основателей «Комитета католиков по борьбе с антисемитизмом / Committee of Catholics to Fight Anti-Semitism».

После нападения Японии на Перл-Харбор и объявления Америкой о вступлении в войну, Дороти заявила, что газета по-прежнему будет придерживаться своих пацифистских взглядов. «Мы будем печатать слова Христа, который всегда с нами», — писала Дороти. «Наш манифест — это Нагорная Проповедь». Оппозиция войне, добавила она, не имела ничего общего с симпатией к врагам Америки. «Мы любим нашу страну... Мы стали единственной страной в мире, где мужчины и женщины всех наций нашли убежище от гонений». Но методы деятельности Движения Рабочих-

Католиков опирались на дела милосердия, а не дела войны. Она убеждала «наших друзей и сторонников позаботиться о больных и раненных, накормить голодных, продолжить все наши дела милосердия в наших зданиях и на наших фермах».

Не все члены сообщества Рабочих-Католиков были согласны. Пятнадцать Домов Гостеприимства закрылись в течении нескольких месяцев после вступления Америки в войну. Но взгляды Дороти победили. Каждый выпуск «Рабочего-Католика» вновь подтверждал ее понимание христианской жизни. Молодые люди, которые отождествляли себя с «Движением Рабочих-Католиков», провели всю войну вообще или большую часть военных лет, или в тюрьме или в сельских трудовых лагерях. Некоторые прошли военную службу без оружия в качестве санитаров.

Вторая Мировая война закончилась в 1945 году, но она породила Холодную войну, конфликты между государствами, вооруженными ядерным оружием, и ряд локальных войн, в которых нередко участвовала Америка.

Одним из ритуалов жизни сообщества Рабочих-Католиков Нью-Йорка, стали начавшиеся в конце 1950-ых отказы участвовать в ежегодно проводимой государственными службами тренировке по гражданской обороне. Такая подготовка к нападению казалась для Дороти частью попытки представить ядерную войну как допустимую, как войну, после которой можно выжить, и оправданием миллиардных расходов на вооружение. Когда 15 июня 1955 года прозвучала сирена, Дороти уже находилась среди маленькой группы людей, сидящих перед зданием муниципалитета. «Во имя Иисуса, который является Богом, который является Любовью, мы не будем повиноваться этому приказу камуфлироваться, эвакуировать, прятаться. Нас не научат бояться. Мы не имеем веры в Бога, если мы полагаемся на атомную бомбу», — поясняла листовка Рабочих-Католиков. Дороти представляла свое гражданское неповиновение как акт эпитимии за применение Америкой ядерного оружия во время бомбардировки японских городов.

На первый раз инакомыслящим сделали выговор. В следующем году Дороти и других отправили в тюрьму на пять дней. На следующий год судья заключил ее, опять арестованную, в тюрьму на тридцать дней. В 1958 другой судья приговорил ее к условному наказанию. В 1959 году Дороти снова попала в тюрьму, но только на пять дней. Когда наступил 1960 год, вместо горстки людей, приезжающих в парк перед зданием муниципалитета, набралось уже 500 человек. Полиция арестовала только некоторых, Дороти среди них не оказалось. В 1961 количество протестующих увеличилось до 2 000. На этот раз 40 человек были арестованы, но снова Дороти была освобождена. Оказалось, что это был последний год генеральных репетиций ядерной войны в Нью-Йорке.

Другим устремлением Рабочих-Католиков было движением за гражданские права. Как обычно, Дороти захотела посетить людей, которые послужили бы примером для окружающих, и поэтому поехала в «Койнонию /

Koinonia», христианскую сельскохозяйственную коммуну в сельском районе штата Джорджия, где чернокожие и белые мирно жили вместе. Когда Дороти посетила ее в 1957 году, на коммуну было совершено нападение. Одно из зданий коммуны оказалось под пулеметным огнем, и члены Ку-Клукс-Клана поставили зажженные кресты на территории коммуны. По дороге, заметив, что приближающийся автомобиль сбросил скорость, она немедленно резко наклонилась, и пуля пролетела рядом с ее головой.

Беспокойство Дороти по поводу ответа Церкви на войну привело ее в Рим на Второй Ватиканский Собор, в надежде, что Папа Римский Иоанн XXIII восстановит «простые и ясные черты, которые имело лицо Церкви Иисуса Христа при своем рождении». В 1963 году Дэй была одной из 50 «Матерей Мира», которые отправились в Рим, чтобы поблагодарить Папу Римского Иоанна за его окружное послание «*Racem in Terris*» («Мир на земле»). Будучи при смерти, Папа Римский не смог встретить их лично, но в одной из своих последних аудиенций благословил паломников, прося их продолжить свое дело.

В 1965 году Дороти снова оказалась в Риме, чтобы принять участие в посте, символизирующем «нашу молитву и нашу надежду», что Собор примет «ясную формулировку: 'возврати меч твой'». Дороти считала свой неразрекламированный пост «лептой вдовы» в поддержку усилия епископов честно и открыто говорить с современным миром.

В декабре постящиеся обрели причину для радости, когда пастырская конституция «О Церкви в Современном Мире» была одобрена епископами. Собор охарактеризовал как «преступление против Бога и самого человека» любые военные действия, «нацеленные на сплошное уничтожение целых городов или обширных регионов вместе с их населением». Собор призывал государства к юридической легализации для отказников от военной службы, описывая как «преступников» тех, кто повинуется приказам, направленным против невинных и беззащитных.

Военные действия, вызывающие «сплошное уничтожение ... обширных регионов вместе с их населением» были в порядке вещей в тех районах Вьетнама, которые подверглись интенсивной американской бомбардировке в 1965 году и несколькими годами позднее. Многие из молодых Рабочих-Католиков отправились в тюрьму за то, что отказались пройти военную службу, в то время как другие прошли альтернативную гражданскую службу. Почти каждый в сообществах Рабочих-Католиков принял участие в протестах. Многие оказались в тюрьме за свои акты гражданского неповиновения.

Вероятно никогда не было газеты, столь многие из редакторов которой были заключены в тюрьму за следование своей совести. Сама Дороти последний раз была отправлена в тюрьму в 1973 году за то, что она приняла участие в ряде запрещенных пикетов в поддержку сельскохозяйственных рабочих. Ей было 75 лет.

Дороти Дэй прожила достаточно долго, чтобы увидеть свои усилия заслуженно вознагражденными. В 1967 году, когда она в последний раз посетила Рим, чтобы принять участие на Международном Конгрессе мирян / the International Congress of the Laity, она обнаружила, что она была одним из двух американцев — другим был астронавт — приглашенных принять причастие из рук Папы Римского Павла VI. К ее 75-ому дню рождения журнал иезуитов «Америка» посвятил ей специальный выпуск, найдя в ней личность, которая стала самым лучшим примером «стремления и деятельности американского католического сообщества в течение предыдущих сорока лет». Университет Нотр Дам / Notre Dame University (штат Индиана) наградил ее медалью Laetare.

Среди тех, кто навещал ее, когда она больше не могла путешествовать, была Мать Тереза Калькуттская, которая прикрепила к платью Дороти крест, который носили только полноправные члены Миссии Сестер Милосердия / the Missionary Sisters of Charity.

Задолго до ее смерти, наступившей 29 ноября 1980 года, многие почитали Дороти Дэй как святую. Но лучше всех слов известен ее бесцеремонный ответ: «не называйте меня святой. Я не хочу быть освобождена от своих обязанностей так легко». Тем не менее, высоко оценив воспоминания и свидетельство многих о ее святости, ее выдвинули кандидатом на включение в календарь святых / the Calendar of Saints. Орден кларетинцев / Claretians стал предпринимать усилия для ее канонизации.

«Если я чего-нибудь и достигла в своей жизни», — как-то заметила она, «то это только потому, что я никогда не смущалась говорить о Боге».

Пер. Адаменко В.В.

Марк и Луиза Цвик

ДОРОТИ ДЭЙ, ПРОРОК ПАЦИФИЗМА В КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Одним из великих даров Дороти Дэй для Католической церкви и Соединенных Штатов было ее покоящееся на католических библейских и теологических основаниях утверждение пацифизма и отказа от военной службы как законной позиции для католиков и для американцев.

Сегодня это уже не только учение Дороти Дэй. В том, что американские католические епископы подтвердили пацифизм и отказ от службы в армии как легитимное выражение католической веры в своем пасторском послании 1983 года «Вызов мира / The Challenge of Peace», сказалось влияние Дороти Дэй. Второй Ватиканский Собор утвердил отказ от военной службы как вполне допустимый вариант для католиков в документе: «О Церкви в Современном Мире» (79:3) и в том же самом документе осудил бомбежку городов и гражданских жителей (80:3). Эти строки также были включены в «Катехизис Католической Церкви», № 2311 и № 2314. Недавние папские заявления еще больше укрепили это учение.

Новая книга под редакцией Энн Клежмен / Anne Klejment и Нэнси Л. Робертс / Nancy L. Roberts «Американский Католический Пацифизм: Влияние Дороти Дэй и «Католического Рабочего Движения»» (Praeger, 1996), исследует развитие пацифизма Дороти и его теологических обоснований и устанавливает ее существенный вклад в историю американского католицизма. Сборник документов, такой как «Моральная теология пацифизма» созданный в «Католическом Рабочем Движении» помог католикам, которые искали оснований в их вере для своего пацифизма, и фактически стал причиной радикального обновления католицизма.

Resourcement (возвращение к источникам), достигнутое Дороти Дэй и Питером Морином, вместе со священниками-богословами, которые помогали им, сделало доступным учение Отцов Церкви, богословие других периодов истории Католической Церкви, истории святых, которые практиковали отказ от насилия, и библейские размышления и толкования, обосновывающие точку зрения, что позиция приверженцев Нагорной Проповеди не романтическая утопия, а реальный выбор для католиков в современном мире.

Одно можно было бы пожелать, однако, чтобы американский католический пацифизм использовал термин resourcement вместо того, чтобы говорить о «ревизии истории».

Опыт Первой мировой войны

До своего обращения в католицизм, в начале Первой мировой войны, Дороти Дэй была активной участницей социалистического антивоенного движения. Она участвовала в демонстрациях против вступления Америки в войну, организованных социалистами, и полицейский нанес ей, правда случайно, удар дубинкой. Социалистический журнал «Массы / The Masses», на который Дороти работала в качестве репортера, занял пацифистскую позицию. Энн Клежмен сообщает, что журнал «Массы» был практически запрещен к пересылке местными начальниками почтовых отделений, которые отказались «пересылать через почту что-либо, что можно было считать изменническим». Дороти, уже с этого момента не доверяла ни образованию, ни законодательству как методам, могущим увлечь мир и создающим спокойствие и справедливость, замечая при этом, что направление своих сил на политику, «изобилующую надуманными делами», душит подлинные перемены. Она предпочла доверять прямым действиям простых людей.

Во время и после Первой мировой войны многие прогрессивные люди и активисты стали политическими деятелями; Дороти не присоединялась к ним, а все еще искала более совершенный путь в жизни.

Начало «Католического Рабочего Движения»

Спустя пять лет после того, как Дороти Дэй стала католичкой, она все еще искала способ соединения своего католицизма и своих социальных устремлений, включая пацифизм, которые уже были частью ее жизни. В Вашингтоне, округ Колумбия, 8 декабря 1932 года, где она писала репортажи о Марше на Вашингтон для журнала «Общественное благо / The Commonwealth», она пошла в церковь Непорочного Зачатия и молила о том, чтобы она смогла найти способ использовать свои способности внутри Церкви, чтобы служить бедным и помогать рабочим.

Когда она возвратилась в свою квартиру в Нью-Йорке, Дороти встретила там Питера Морино, который ждал ее. Питер прочитал ее статьи в «Общественном благе» и «Америке» и был убежден, что она была тем человеком, который мог осуществить его программу создания газеты, «гостеприимных домов», разъяснения истины, сельских университетов, основанных только на католическом социальном учении и христианском персонализме. Питер имел радикальное представление о создании

справедливого общественного строя, используя «динамит» традиционного католицизма.

Начало пацифизма Рабочих-Католиков

Питер Морин поддерживал основные пацифистские взгляды Дороти как католик и был создателем resourcement. Артур Шихан / Arthur Sheehan рассказывает нам в своей книге о Питере Морине: «Веселый верующий / Gay Believer», изданной в 1959 году издательством Hanover House (раньше, чем значение слова «Gay» изменилось), что Питер оставил Францию, чтобы переехать в Канаду из-за постоянного прерывания его жизни вынужденным участием в тренировках резервистов после отбытия военной службы. Отъезд в Канаду стал частью традиции, которая продолжилась позднее во время войны во Вьетнаме.

«Католическое Рабочее Движение» и газета «Католик-Рабочий» были основаны в 1933 году. Немного позднее, Дороти объявила в газете, что делегаты Католиков-Рабочих посетят Конгресс США, и что они будут представлять «католический пацифизм». С этого объявления начался католический пацифизм в США.

Авторы «Американского Католического Пацифизма» описывают, как Дороти включила идеи из католического учения в систему своих пацифистских взглядов. Она помнила основные положения из «Балтиморского Катехизиса» (не так давно изученного во время ее религиозного обращения), типа: «все человеческие существа, которые разделяют с нами благодать Божию есть храмы Святого Духа». «Католик-Рабочий» в тридцатых годах печатал статьи Папы Римского Пия XI, энергично нападавшего на национализм как на источник войны. Можно было понять, что Рабочие-Католики были опечалены его смертью и публиковали статьи о смерти их любимейшего Папы Римского. Клежмен и Робертс указывают, как Дороти позднее черпала вдохновение в энциклике Папы Римского Пия XII-го «Mystici Corporis / Мистическое тело» (1943) с ее прекрасным учением о связях единения между членами, настоящими и потенциальными, Мистического Тела Христа (Церкви), которые не должны иметь бомб, чтобы сбрасывать их друг на друга.

Авторы говорят нам, что она «различала в «Рабочем-Католике» истинный и ложный пацифизм, утверждала традиционные духовные средства борьбы, такие как молитва или причастие, чтобы активно сопротивляться злу». Дороти шла настолько далеко, насколько она это заявляла: «Если мы не собираемся использовать наше духовное оружие, то пусть будут все виды оружия и подготовки». Передовые статьи «Рабочего-Католика» в 1939 году призывали все Дома Гостеприимства ежедневно молиться о мире, а не о победе. Рабочие-Католики совершали крестный ход [the Stations of the Cross] и шли на ежедневную мессу о мире в приходских церквях.

Несколько авторов описывают искупительное свойство пацифизма Рабочих-Католиков, который придает особое значение «духовному принципу, что раскаяние и страдание, добровольно и с готовностью взятые на себя человеком, и принесенные благочестивые жертвы, сделанные ради других, могут вызвать изменение жизни вокруг человека, совершающего эпитимию». Они подчеркивают, что это качество ясно отличало пацифизм Дороти Дэй от религиозного пацифизма «Братства примирения» (в котором она состояла), и «Американского комитета Друзей (квакеров) на службе обществу», «которые больше основывались на социальных идеях Евангелия, чем на общей ответственности [corporate responsibility]».

Авторы всегда подчеркивают, что Дороти основывала положения своего пацифизма в пределах системы идей христианского персонализма Морина «где решение возлагалось на самого человека и не зависело от исторических обстоятельств» и на глубокой вере, что была сила вне истории — Иисус Христос. Эти религиозные взгляды давали Дороти силы и надежду для долгосрочной приверженности своим взглядам. Редакторы этой книги напоминают читателям, что «Как молодой светский радикал, Дороти была подавлена неспособностью левых изменить мир к лучшему. Но как католического радикала, множество духовных даров, которые она получила от разгоревшейся в ней веры, поощряли ее упорство и бесстрашие в ее антивоенной деятельности».

Дороти Дэй против «американистов»

Дороти Дэй и Рабочие-Католики ступили в неведомые воды, в американский католицизм с открытой приверженностью к пацифизму Евангелия и придерживаясь специфических антивоенных взглядов. Учитывая историю антикатолицизма в Соединенных Штатах и обвинения, что лояльность Папе Римскому была изменой США, для католиков, многие из которых были иммигрантами, было трудно пойти против господствующих в Америке взглядов, даже если это означало участие в войне. Такое желание быть лояльными создало практически суперпатриотизм в американских католиках, чтобы доказать свою преданность США.

Этот суперпатриотизм породил нечто вроде копии «американизма» в богословии и церковной жизни. Дороти Дэй не принимала эту суперпатриотическую позицию, а соединяла свою веру с критикой действий своей страны в свете Евангелия.

Первая католическая миротворческая организация в США была «американистской». Созданная в 1927 году монсеньором Джоном А. Раеном / Msgr. John A. Ryan, «Католическая Ассоциация за мир во всем мире / the Catholic Association for International Peace, CAIP», она входила в «Национальную Католическую Конференцию Благосостояния / National Catholic Welfare Conferenc» со штаб-квартирой в Вашингтоне, округ Колумбия, и утверждала, что была «официальной» миротворческой

организацией Католической Церкви в Америке. «Американский католический пацифизм» различал позиции этих двух групп: CAIP рассматривала национальное государство в качестве «арбитра и авторитета в вопросах как войны, так и мира», пользовалась доктриной справедливой войны, чтобы оправдать свою поддержку администрации Рузвельта во время вступления Америки во Вторую мировую войну и критиковала пацифистскую точку зрения. CAIP «поддерживала военные действия и не помогала никому, кто отказывался участвовать во Второй мировой войне, независимо от того, регистрировали ли они свой отказ законным образом или нет». CAIP не интересовался моральной стороной уничтожающей бомбежки и даже поддержал решение Трумана использовать атомную бомбу.

Дороти придерживалась непопулярной точки зрения в своем пророческом свидетельстве, которое принесло серьезные потери для «Католического Рабочего Движения», чья оппозиция вызвала закрытие большинства зданий Движения. Она утверждала свой пацифизм и свои предубеждения против воинской повинности в статьях о Нагорной Проповеди, называя ее «Христианский Манифестом». Она поощряла людей выбирать евангелие мира, а не государства, когда этого требовала совесть, и даже убеждала рабочих не работать в военной промышленности, или даже на какой бы то ни было работе, которая не направлена на пользу обществу. Своими непоколебимыми духовными и теологическими обоснованиями, Дороти, через газету «Рабочий-Католик», облегчила формирование взглядов многих людей по отношению к войне и миру.

Гражданская война в Испании

Наряду с известными писателями, типа Жака Маритена, Жоржа Бернаноса и Эмманюэля Мунье, Дороти заняла нейтральную позицию в отношении гражданской войны в Испании. Поскольку противники Франко без разбора вырезали множество священников и монахинь, среди американских католиков была огромная неприязнь к республиканским силам. В 1936 году Дороти напечатала комментарий Эммануэля Мунье по поводу войны, чтобы помочь людям понять ее позицию: «революция, которая должна быть совершена, для истинных христиан может быть только одна, но она не будет каким-то простым одномоментным восстанием, она вообще не будет взрывом необузданного насилия. Она начнется только с того момента, когда множество христиан сами заставят себя жить в социальном плане согласно их христианскому учению и совершат в некотором роде переворот. Насколько далек этот идеал от реальной трагедии в Испании, где многие из католиков компрометируют Церковь, связывая ее с политическими силами, которые далеки от нее, в то время как яростная орда в своем мщении грабит, поджигает и убивает все, что в их глазах связано с религией».

Вторая мировая война

В борьбе против Второй мировой войны видели борьбу за окончание всех войн. Таким образом война, до бомбежки Перл-Харбора, была непопулярна. Тогда многие, кто был против войны, изменили свое мнение; они посчитали оппозицию Дороти Второй мировой войне не только непонятной, но и недопустимой.

Во время Второй мировой войны, как в дальнейшем и во время войны во Вьетнаме, она предоставила страницы «Рабочего-Католика» не только пацифистам, но и богословам, которые придерживались доктрины справедливой войны, чтобы сделать из нее антивоенные выводы.

Условиями справедливой войны, разработанными такими богословами, как св. Августин и св. Фома Аквинский, были: война должна быть объявлена компетентной властью. Должна быть достаточная причина для вступления в войну. Римский Папа Пий XII добавил, что, вследствие увеличивающегося разрушительного воздействия ядерного оружия, никакая война не может быть нравственно оправданной, кроме акта самообороны. Использование оружия не должно порождать зло и беспорядки, более серьезные, чем то зло, которое будет устранено. Война должна вестись как последнее средство, только после того, как все мирные средства будут исчерпаны. Война может быть законной, только если ее цель состоит в том, чтобы достигнуть справедливости.

Вместо того, чтобы отказаться от доктрины справедливой войны, Дороти использовала ее, чтобы осудить все современные войны в свете использования технологий массового истребления.

О. Хьюго / Нуго сообщил Дороти Дэй, что поставил перед собой задачу создать богословие ненасилия. Он написал ей, «Нет сомнений, что пацифизм полностью ясен для Вас; но Вы не пытались оформить его доктринально. Если бы Вы не знали никакого богословия, то вероятно Вам было бы проще сделать свой вывод. Но все же решение вопроса должно быть основано на доктрине. Пацифизм должен исходить из истины, или его не должно быть вообще». «Католик-Рабочий» напечатал множество статей о. Хьюго и других богословов, как например монсеньор Барри О'Тул / Barry O'Toole из Католического Университета.

Другие статьи цитировали Папу Римского Пия XII о свободе совести в современном национальном государстве, так же как и слова различных священников, епископов и кардиналов, которые поднимали вопрос о воинской повинности и войне.

Рабочие-Католики и ФБР

Дж. Эдгар Гувер не имел никаких сомнений относительно Дороти Дэй. Даже до начала Второй мировой войны он настаивал, чтобы она была помещена под опеку (в тюрьму) в случае национального кризиса.

Этот приказ никогда не был выполнен. Мы можем только догадываться, что чиновники ФБР, которые зачастую были ирландскими католиками, а некоторые и бывшими семинаристами, не могли заставить себя арестовать кого-то из противников войны, если он ежедневно ходил к причастию.

Можно вообразить смущение агентов ФБР, когда они слушали, как Дороти и Питер говорят, что они являются пацифистами потому, что они являются католиками, или были неспособны помешать пожертвованиям для бедных, которые делали Рабочие-Католики. Сборник документов Артура Шихана, повествует нам о таком в нью-йоркской общине Рабочих-Католиков.

Дороти защищал кардинал Спеллман / Spellman, который никогда не выступал против и не осуждал ее. Он знал, что святую лучше не осуждать.

Воздействие Дороти Дэй на католический пацифизм стало ясно авторам, родившимся после Второй мировой войны, когда они встретили Джима Кларка, бывшего капитана нью-йоркского отдела пожарной службы, который стал пацифистом под влиянием Дороти Дэй.

Объяснения причины Второй мировой войны

Рабочие-Католики считали Вторую мировую войну не случайным отклонением или просто реакцией на зло нацизма, а частью исторической реальности, которая включала в себя то, что случилось с Германией после Первой мировой войны, так же как и «нетерпеливое желание заработать на продаже оружия» капиталистов. Авторы цитируют передовую статью Дороти 1939 года: «Мы виновны в новой войне в Европе», где вина была возложена на плечи всех, из-за «их материализма, их жадности, их идолопоклоннического национализма ... из-за их безжалостного подчинения себе других стран». Авторы указывают, что это никак не простое «потакание злу, обернутое в католическое богословие», но призыв к фундаментальному преобразованию мирового экономического и общественного строя.

Аргумент, что Вторая мировая война ведется, чтобы спасти евреев, и поэтому является праведной войной, не выдерживал критики со стороны Дороти Дэй, которая просто ответила, что евреев это не спасло, о чем ясно говорит количество сожженных в крематориях. Во время войны США отказались принять даже тех евреев, которые имели юридический статус беженцев (90% квот остались невыбранными) из-за страха перегрузки рынка труда.

Очень удивительно, почему Рольф Хоххут / Rolf Hochhuth (их представитель) никогда не писал покровительствующим им президенту Рузвельту и американскому Конгрессу, изображая их заламывающими свои руки, волнуемыми о евреях, избежавших лагерей смерти, прибывавших в США и перегружающих трудовой рынок. Немного странно, что Хоххут, который написал другие книги, содержащие полную чушь (например, что Уинстон Черчилль распорядился убить польского генерала Сиборского), и с того времени никогда больше не считался серьезным историком, мог

написать клевету против Пия XII, которую продолжают цитировать и по сей день. Дороти защищала Пия XII и часто цитировала его во имя мира и пацифизма.

Окончание Второй мировой войны, представлявшейся как война, которая покончит со всеми войнами, принесло не мир, на который надеялись, а холодную войну и почти постоянную угрозу войны с применением ядерного оружия.

Через свою мужественную позицию во время всей Второй мировой войны и после войны, Дороти дала католикам, мужчинам и женщинам, право выбора мира, который они раньше не имели. В будущем молодые католики смогут, не подвергаясь репрессиям, провести свою жизнь во время войны в качестве «творцов мира». Они поддержаны Церковью в своей приверженности антивоенным взглядам.

Католики-Рабочие, Ганди и активное ненасилие

Прекрасные идеи Ганди относительно активного ненасилия и его обращение к большим массам угнетенных людей предлагали многое с точки зрения взаимоотношений с миром для пацифистов. Однако, не было автоматически ясным, что конкретно это означало для различных групп, которые принимали эту идею, и насколько все эти интерпретации могли бы быть совместимы с этической и религиозной позицией «Католического Рабочего Движения».

«Американский католический пацифизм» показывает, как Рабочие-Католики оценили действия других групп, с которыми думали соединить свои усилия в свете католического учения. «Рабочий-Католик» объявлял даже, что некоторые сторонники активного ненасилия основывали свои положения «на индивидуализме, который может допустить ошибку, если выберет абсолютную свободу в качестве конечной цели». Это либертарианство «противоречило правильному католическому пониманию как объективной морали, так и предназначения человеческой свободы».

Рабочие-Католики действительно применяли идеи ненасилия Ганди в своем активном сопротивлении, и включили их в разработку теологии католического пацифизма, даже предлагая сторонникам доктрины справедливой войны рассматривать их как один из мирных методов, которые нужно испытать прежде, чем объявлять войну.

Война во Вьетнаме

Влияние Католиков-Рабочих во время войны во Вьетнаме подробно анализируется в «Американском католическом пацифизме», так же как его воздействие, на то, что потом стали называть ультрасопротивлением, связанным с Дэниелом и Филиппом Берриганом и, позднее, активистами движения «Мечи на плуги» / The Plowshares Movement. Дороти Дэй стала

выступать против войны во Вьетнаме задолго до того, как это стало популярным (в 1954 году). Она цитировала святых, таких как Теодор Венард / Theodore Venard, миссионер-мученик из Индокитая, который как француз выступал против французского империализма, преемником которого Дороти считала американский империализм.

После войны во Вьетнаме некоторые Рабочие-Католики были настолько озабочены проблемами войны и мира и ядерной угрозы, что они сосредоточили все свое внимание на антивоенной деятельности. Клежмен и Робертс напоминают читателям, что несмотря на ее неизменную приверженность пацифизму и отказу от насилия, для Дороти Дэй это было не так: «Даже затянувшаяся война во Вьетнаме и возрастающая воинственность антивоенного движения не превратила Рабочих-Католиков в группу, занятую только одной проблемой».

Скепсис, основанный на Евангелии — Папа Римский Иоанн Павел II

Иоанн Павел II был способен проводить богословские дискуссии о войне и мире вне разногласия между пацифизмом и доктриной справедливой войны. Уильям Портье / William Portier говорит нам: «несмотря на то, что он оставил дверь открытой для возможности серьезного вооруженного «гуманитарного вмешательства», Папа Римский кажется, обладал в то же самое время глубоким скепсисом, основанным на Евангелии, относительно применения силы как средства достижения справедливости. Этот скептицизм проявился как в его оппозиции к войне в Персидском Заливе, так и в его резком противодействии желанию международного сообщества вмешаться в конфликт в Боснии» («Communio», весна 1996 года).

В энциклике «*Evangelium Vitae*» Папа Римский Иоанн Павел II высказал те же самые сомнения относительно войны, что и по поводу смертной казни, и Портье отмечает, что он считает одним из признаков надежды то, что на многих уровнях появилось новое общественное мнение, более чем когда-либо направленное против войны.

Папа Римский Иоанн Павел II, говоривший по поводу войны и использующий символы Исайи — льва и ягненка — рассуждал, что заповеди и блаженства должны лечь друг подле друга. Это приводит нас к надлежащему евангелическому реализму, «который бросает нам вызов: серьезны ли мы, когда мы молимся за то, чтобы быть избавленными от войны, или когда мы говорим, что Иисус страдает среди людей в Боснии или говорим, что, так как Он пришел в мир, война уже не является неизбежной».

Накануне войны в Заливе в широко распространенных посланиях главам государств, Бушу и Хуссейну, Святой Отец умолял их признать тщетность обращения за помощью к военным действиям. Между 2 августа 1990 года и мартом 1991 года, Папа Римский осудил войну пятьдесят шесть раз.

Портье отмечает, что вместе с пастырской конституцией «О Церкви в современном мире / *Gaudium et Spes*», принятой на Втором Ватиканском Соборе и новым «Катехизисом католической Церкви» Папа Римский если и не говорит: «Нет больше справедливых войн», — то он очень близок к этому.

Вызов

Никогда не было так много разговоров о мире и справедливости, чем в сегодняшнем католическом мире на всех его уровнях. Но нет никакого мира и нет никакой справедливости.

В 1965 году один католик-пацифист попросил Дороти Дэй написать ясный, теоретически обоснованный, логичный пацифистский манифест, заметив, что пока ни одного еще не появилось из-под ее пера. Она ответила в нескольких словах, которые и сегодня являются столь же актуальными, как и тогда, когда они были написаны ей:

«Я могу написать одно: если мы не используем духовное оружие, отвергнув себя, взяв свой крест и последовав за Иисусом, умирая вместе с Ним и воскресая вместе с Ним, то люди продолжают воевать, и часто из самых высоких побуждений, полагая, что они ведут войну в защиту справедливости или обороняясь против настоящей или будущей агрессии».

Хотелось бы надеяться, что чем больше появляется литературы о Дороти, тем больше людей присоединится к ней в ее паломничестве.

Их число может стать колоссальным.

Пер. Адаменко В. В.

С. Н. Кондрашов

ПРОТЕСТ

(Из книги «Блики Нью-Йорка», 1988)

В субботу во втором часу дня на Юнион-сквер раздается стук молотков. Сколачивают помост возле колоннады небольшого парка, где обычно спят бродяги и безработные, поджав ноги, на скамейках, а рядом любители всласть поговорить петухами насканивают друг на друга, выясняя, до каких пределов может простираться американская свобода. На этот раз, как в дни больших митингов, ареной служит не парк, а сама площадь. Там и сколачивают помост. Там ноябрьское солнце бросает свои скупые лучи на действующих и бездействующих лиц: равнодушных сторонников и противников, а также полицейских, обеспечивающих порядок, и репортеров, освещающих событие, и просто зевак, привлеченных стуком молотков. На помосте, в который заколачивают последние гвозди, пятеро американцев, протестующих против войны во Вьетнаме, собираются сжигать свои военные билеты.

Импровизации в подобного рода массовых действиях недопустимы. Все подготовлено и согласовано заранее. От властей получили разрешение в субботний нерабочий день с такого-то по такой-то час использовать Юнион-сквер, один из самых оживленных в будни городских перекрестков. Оповестили прессу, и на столике у помоста уже разложили стопки пресс-бюллетеней — «программы сжигания военных билетов», биографии сжигающих, тексты заявлений, которые они собираются сделать при сжигании. Пригласили друзей и сочувствующих, а недоброжелатели сами разузнали, пришли без приглашения. Полиция, предчувствуя остроту ситуации, выделила не только пеших, но и конных, которые важными, медлительными, фыркающими статуями высятся по краям толпы. Негласный, но вполне явный надзор обеспечивают люди в штатском, с опознавательными металлическими треугольничками в лацканах пиджаков и пальто. Это агенты ФБР.

Все больше нежелающих воевать во Вьетнаме. Три недели назад министерство юстиции заявило, что будет расследовать — и преследовать — движение антивоенного протеста. Конгресс предусмотрительно принял закон, по которому умышленное уничтожение военных билетов карается тюремным заключением до пяти лет и штрафом до десяти тысяч долларов. Страсти накалены. Пятеро затеяли нешуточное дело. Людям с треугольничками предстоят новые хлопоты, и они готовятся к ним, разгуливая среди публики, привычно ощущая под мышками или на бедре согретое собственным теплом жесткое тело пистолета, всматриваясь в

собравшихся участников и зрителей, тренируя зрительную память — кто есть кто? — а, может быть, и тайно фотографируя заинтересовавших их лиц каким-нибудь своим потайным способом, через какую-нибудь особую пуговицу. Антивоенная история с детективным налетом...

Помост пустынен. Свежевыструганные некрашенные доски. К вечеру и следа не останется от них... Послезавтра, в понедельник, снова будут здесь в нетерпении напирать друг на друга машины. А сейчас, наполняя Юнион-сквер, густеет толпа, и тут и там лепятся друг к другу люди, образуются и распадаются группы, закручиваются воронки спорщиков — разгоряченные лица, вытянутые шеи. Американец, как правило, знает и чтит законы, если закон его не устраивает, предпочитает найти лазейку, чем бросить ему прямой вызов. А тут именно случай прямого, публичного вызова.

— Закон?! — насккивает какой-то молодой человек на своего собеседника, стараясь вложить как можно больше уничтожающего сарказма в это слово. — Вы говорите — закон. Когда-то федеральный закон обязывал выдавать сбежавших рабов. Кто же был прав — те, кто выдавал рабов, или те, кто поступал вопреки закону? Кого признала победителем история?!

В толпе, пока еще не отделенные и не вознесенные помостом, пятеро главных героев. Они к услугам репортеров — ведь смысл затеянного ими в огласке, в публичности, в силе примера.

Подхожу к Марку Эделману, молодому, красивому девятнадцатилетнему парню. Публичное сожжение военных билетов — его идея, и именно ему она грозит наибольшими неприятностями: единственный из пятерых, он уже сейчас подлежит призыву и армию. У четверых есть отсрочка, и свои военные билеты они жгут в знак солидарности с Марком. У Марка интеллигентное лицо, профессия рабочего — краснодеревщик. Держится он спокойно, но глаза усталые, и в них читается если не беспокойство, то напряжение. В девятнадцать лет, наверное, это первое его большое, гражданское решение.

Спрашиваю:

— Марк, чего вы хотите добиться этим актом?

Он готов к ответу и уже не раз отвечал — экспромты и тут не годятся.

— Я хочу отмежеваться от всякого военного насилия, особенно от военного насилия, творимого американским правительством во Вьетнаме. Надеюсь, что мой протест будет одной из многих искр, что вместе с другими актами несогласия он в конечном счете побудит к изменению всей внешней политики США...

Когда молотки замолчали, на помосте первым появляется известный пацифист доктор Гордон Христиансен. Тишина... И сразу же тишина рушится от криков: «Предатели!», «Труссы!» Кричат с другой стороны площади. Под присмотром полицейских, которые, как секунданты на дуэли, разводят враждующие стороны, там ходят по кругу пикетчики с плакатами в руках. Это — патриоты. Знакомая песня на их плакатах: «Бейте красных во Вьетнаме и Нью-Йорке!», «Самый хороший красный — это мертвый красный!»

Среди пятерых нет ни одного коммуниста, трое — убежденные католики. Это должно быть хорошо известно пикетчикам, но они знать не хотят политических сложностей, подрывающих их убежденность, расслабляющих их патриотизм.

— Предатели! Труссы! — кричат они с другой стороны площади, не дожидаясь начала, спешат, чтобы их слово было первым.

Пятеро всходят на помост по крутым деревянным ступеням, и невозможно избежать сравнения — как на эшафот. Теперь они переступили незримую черту, поднялись над остальными, сделали свой опасный выбор, и признанием этого отличия имени их громко звучат над площадью. Томас Корнелл... Марк Эделман... Рой Лискер... Джеймс Вильсон... Дэвид Макрейнольдс...

Уже тысячи людей на Юнион-сквер. Одни аплодируют, другие, надув щеки, возмущаются — «бу-у-у»... И еще момент электрической тишины — когда пятеро, один за другим, делают свои заявления. Кратенькие заявления, сухие, как иски, составленные юристами, — и шаг в сторону от микрофона.

Лишь последний, Дэвид Макрейнольдс, не выдерживает делового тона, бросает тысячам на площади ораторские слова:

— Изменники — не мы. Изменники сидят в Вашингтоне. Там изменили американским традициям. Я говорю американскому президенту: «Я голосовал за вас, и вы меня предали». Нынешнее правительство открыто нарушило Устав ООН, вторгшись во Вьетнам, а раньше — в Доминиканскую Республику. Оно уничтожило свои торжественные обязательства. В ответ я уничтожаю эту осязаемую связь с правительством — мой военный билет. Таким образом я заявляю, что правительство в Вашингтоне, поливающее напалмом южновьетнамские деревни, — мой враг, враг каждого американца...

В руке Марка Эделмана вспыхивает огонек зажигалки. Колеблется красный язычок огня, крохотный, но все видят его, потому что все на него смотрят. Площадь снова замирает — и снова расколота тишина, снова сталкиваются над ней крики хвалы и хулы. А пятеро как бы уходят в себя, в свою патетическую трудную минуту. Торжественные, строгие, молчащие, они протягивают красному язычку белые полосы военных билетов, будто верша обряд жертвоприношения. Огонь лижет бумагу...

И вдруг, взвившись над людьми, белая упругая струя воды летит в зажигалку, в билеты, в пятерых. Кто-то догадался, хитро придумал, припрятал под пальто портативный огнетушитель...

Пламя гаснет, растерянные ребята на помосте опускают руки с мокрыми бумажками, вода стекает по их лицам, одежде.

Площадь ахает от неожиданного поворота события. Слышна возня у помоста, глухая ругань, сдавленное бормотанье. Полицейские хватают и уводят человека с огнетушителем.

Пятеро снова разжигают свой жертвенный костер. Мокрые лица, спутанные волосы. Им, наверное, холодно, но их бьет озноб возбуждения.

Они как групповое скульптурное изваяние, и незримый ток, исходящий от их фигур, снова завораживает толпу под ноябрьским солнцем. Зажигалка... Не получается... Спички... Не горят чертовы мокрые бумажки...

— Разорвите их! — нервно кричат с площади.

Нет, не разорвать, а именно сжечь, сжечь и развеять. Так решено. Так и будет сделано. И бумажки нехотя занимаются огнем, горят, тают, завиваются пепельной бахромой, обжигая пальцы. И тогда в толпе рождается песня и объединяет людей в высоком напряжении минуты, прекрасная песня солидарности. Оживают и теплеют окаменевшие лица пятерых. Они тоже вступают в песню, и, заглушая все, покоряя все, песня властвует над Юнион-сквер: «В глубине сердца я верю, да, верю — мы преодолеем»...

Что их ждет? Что бы ни ждало, пятеро счастливы в этот миг.

* * *

Джеймс Форрест, молодой человек в очках, со светлыми усами на умном и твердом лице, говорит:

— Том ждет ареста. Возможно, его возьмут завтра.

— Нас теперь каждый день берут по одному, — объясняет Том Корнелл, улыбаясь.

Он не может не улыбнуться незнакомому человеку — не плакать же. Но это невеселая, нелегкая, вынужденная улыбка. Том может угодить в тюрьму сроком до пяти лет, а ему труднее других, у него жена и грудной ребенок.

Утром взяли одного из них, Мэрфи Доуэса. Накануне один из приставленных к ним агентов ФБР предупредил Мэрфи по телефону, что его «подберут». Думали, что возьмут здесь, пригласили фоторепортеров, но Мэрфи арестовали на улице, недалеко от квартиры. ФБР не всегда гонится за сенсациями...

Мы разговариваем в маленькой узенькой комнате, где столы завалены газетами и бумагами, а стены заклеены антивоенными плакатами и лозунгами. На одном столе доносчиком глядит матово поблескивающий черный телефон. Я пришел сюда, чтобы познакомиться с антивоенными активистами, но теперь испытываю неловкость. Я всего лишь наблюдатель — пришел, порасспросил, ушел... А этим ребятам и так нелегко. Не причинить бы им новые неприятности. Не осложнит ли их жизнь еще и разговор с красным корреспондентом?

Джеймс Форрест успокаивает меня:

— Нам нечего скрывать. Мы не боимся, и в этом наша сила. В любое время готовы к тюрьме. Это наша давняя традиция. Мы давно привыкли к дубинкам и арестам.

Том Корнелл прощается и уходит с чемоданчиком в руках. Не на тот ли случай припасен чемоданчик? Нет, смеется Том, сегодня его вряд ли возьмут, он едет в Балтимор, к тамошним противникам войны.

— Мир и дружба! — неожиданно произносит он по-русски. На прощание.

В комнатенке ютится организация «Мирное сообщество католиков», о которой до недавнего времени я ничего не слыхал. Рядом, в другой комнате, — «Комитет ненасильственных действий», «Лига противников войны» и другие организации пацифистского толка. Десятиэтажный дом стоит на Бикмэн-стрит в старом, ветшающем районе Даунтауна, где трудно ориентироваться, так как улицы имеют не номера, а названия. По соседству — трущобы, знаменитая Бауэри. Адрес непрестижный, и потому здесь довольно дешево сдаются помещения под офисы. Большая сводная таблица, висящая в подъезде у лифта, перечисляет названия фирм, корпораций, организаций и номера их комнат. Офисов множество, и таблица повешена для посетителей, чтобы впустую не плутали по этажам. Но попробуй спросить дельца с третьего этажа, чем занимаются дельцы на шестом или даже четвертом, — скорее всего, не ответит. А на десятом, чердачном, самом дешевом (туда не ходит лифт) этаже разделенного на душенепроницаемые отсеки дома № 5 по Бикмэн-стрит всех объединяет далекая страна Вьетнам.

Плакат. Азиатская женщина в азиатской рубашке с азиатским грудным ребенком на руках. У ребенка лицо и тельце жутко изуродованы американским напалмом. Ужас и страх в глазах женщины. Мука в глазах младенца. Кто защитит их? Ни одного такого плаката не найти, конечно, на первых девяти этажах. На десятом Том Корнелл ждет ареста и разлуки с женой и своим ребенком, потому что не может пройти мимо страдания далекой, испуганной, незнакомой ему женщины, мимо боли чужого ребенка.

Большой фотоснимок на стене. Не вьетнамская, а нью-йоркская сценка: пятеро, с мокрыми лицами и спутанными мокрыми волосами, жгут военные билеты. Среди них и Том Корнелл. Думал ли тот, догадливый, с портативным огнетушителем, что поможет создать драматический образ протеста?

Там, на Юнион-сквер, национальный секретарь «Мирного сообщества католиков» Джеймс Форрест раздавал репортерам листки подготовленных заявлений, вполголоса предупреждая товарищей: «Поправьте галстуки!» Он не забывал о телекамерах и обывателе. Обыватель твердо убежден, что небритые, нечесанные, неаккуратные не могут быть хорошими американцами. Поправьте галстуки — не надо дразнить и отталкивать обывателя. Надо привлечь его на свою сторону — это большинство. Когда вспыхнул огонек зажигалки и пятеро протянули огню свои военные билеты, из толпы зло и ненавидяще крикнули: «Сжигайте себя, а не военные билеты!» Злой совет наверняка был подсказан сообщениями из Сайгона, где буддийские монахи, один за другим, кончали жизнь саможжением на площадях, протестуя против войны и марионеточного режима.

На Юнион-сквер был тогда — среди зрителей, не на помосте — студент Роджер Лапорт, высокий, белокурый, с чистыми невинными глазами. Через три дня, ранним утром, в глухой предрассветный час, когда пуста была

другая нью-йоркская площадь — площадь Объединенных Наций, он пришел туда, где за металлической изгородью темно молчал широкий ооновский небоскреб, в темноте и одиночестве вылил на себя два галлона бензина, чиркнул спичкой. Ооновский ночной охранник увидел человека, вспыхнувшего факелом. Пока вызывал городскую полицию, пока бегал сам за огнетушителем, пламя смертельно опалило студента. Спустя сутки Роджер Лапорт умер в нью-йоркском госпитале Беллеву.

Джеймс Форрест не одобряет самосожжение, но пытается понять мотивы Роджера Лапорта.

— Он хотел добровольно взять на себя те же страдания, которые мы навязываем вьетнамцам. Он хотел, чтобы американцы, ужаснувшись его поступком, задумались о наших зверствах во Вьетнаме. Могут предполагать у него неустойчивую психику, но я таю, что Лапорт был эмоционально устойчивым, убежденным и мужественным человеком. Думается, он действовал так же, как в других обстоятельствах действует человек, чтобы предотвратить убийство, совершающееся на улице, на глазах у всех. Разве не убийцей выступает во Вьетнаме наше правительство?..

В Нью-Йорке Роджер Лапорт ходил теми же путями, что и Мэрфи Доуэс, что и Том Корнелл, участвуя в благотворительно-пацифистском движении «Рабочий-католик». Жили рядом с Бауэри, на Кинмор-стрит, в труппных домах без отопления и горячей воды, снимая комнаты вместе с товарищами за двадцать шесть долларов в месяц, — баснословно низкая для Манхэттена арендная плата. Работали вместе на Кристи-стрит, в редакции журнала «Рабочий-католик».

Я шел туда за информацией об антивоенных активистах, а нашел нечто большее — еще один пример бездонности Нью-Йорка, нашел странных американцев — с жизненной философией, которую неплохо передает русская пословица: от сумы да от тюрьмы не отрекайся... Нашел городских праведников, которые принимают на себя добровольный обет нищеты, опускаются на дно, растворяются среди обездоленных, чтобы проповедовать любовь к ближнему и христианский коммунизм. Честные люди с чистой совестью... (...)

...Войдя в старый дом на Кристи-стрит, я увидел на первом этаже столовку с грубо и прочно сколоченными столами и скамьями, которым не страшны кулаки пьяных драчунов. За столами сидели обитатели Бауэри и других окрестных трупп. Утром и вечером они приходят сюда хлебать «суп для бедных». Их кормят — и сами едят ту же пищу — сотрудники журнала «Рабочий-католик». На втором этаже — экспедиция журнала. Два десятка пожилых мужчин и женщин готовили к отправке подписчикам новый журнал. На третьем, чердачном этаже я застал четырех редакционных работников. У них оказался еще один посетитель — пожарный инспектор. Он искоса оглядывал ветхую мебель и плохо одетых людей, и во взгляде его была безразличность стопроцентного американца, не принимающего такой образ и такой уровень жизни.

В углу, оформляя карточки подписчиков, сидел Рой Лискер, еще один из тех пяти, что сжигали военные билеты на Юнион-сквер. Математик по образованию, начинающий писатель, он нашел здесь свое призвание, работает без оплаты, ест суп бедняков. И тоже ждет ареста.

Вдвоем мы прошлись от Кристи-стрит до Кинмор-стрит, по узкой деревянной лестнице поднялись на четвертый этаж к двери комнаты, которую Рой до недавнего времени делил с Роджером Лапортом. Дверь была заперта. Тогда мы спустились этажом ниже и постучались еще в одну дверь, с нацарапанным крестом. Так я познакомился с Терри Салливэном и Николь Энтремон. Терри и Николь провели с Лапортом его последний вечер. Ели сосиски в соседнем кафетерии, а потом допоздна сидели как раз в этой комнате. Николь сказала то, что я уже слышал от других: Лапорт близко к сердцу принимал боль и страдания других. Наверное, слишком близко. В тот вечер они опять говорили о Вьетнаме, о движении протеста, о сожжении военных билетов. Лапорт был грустен, но кто мог подумать, на что он решился. Простились в два часа ночи. Лапорт только что переехал в этот дом и сказал, что пойдет забрать вещички на старой квартире. Салливэн уговаривал его не ходить так поздно, ночью. Но Лапорт не послушался, попрощался и пошел, шаги его в последний раз застучали по деревянным ступеням. Через три часа глухим неприветливым ноябрьским утром он вспыхнул факелом протеста на площади ООН.

(«Долгий взгляд на Америку», М., «Международные отношения», 1988.)

ЛАУРЕАТЫ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИРА

Краткие биографии двух американских общественных деятельниц, которых вполне можно рассматривать как предшественниц Дороти Дэй.

АДДАМС (Addams), Джейн

6 сентября 1860 г. — 21 мая 1935 г.

Нобелевская премия мира, 1931 г.

совместно с Николасом Мьюррэем Батлером

Лаура Джейн Аддамс — одна из первых деятелей американского социального реформизма, пацифистка, основатель Халл-хауса — родилась в Седервилле (штат Иллинойс) восьмой из девяти детей, Отец ее, Джон Хью Аддамс, был процветающим банкиром и сенатором штата от республиканской партии, по убеждениям — аболиционистом. Мать — Сара Вебер — происходила из немецкой семьи. Когда А. было два года, ее мать умерла. Девочка очень привязалась к своему отцу, который оставался для нее образцом в течение всей ее жизни.

В 1877 г. А. поступает в Рокфордскую женскую школу, готовившую женщин для миссионерской работы. А. окончила школу с отличием в 1881 г., а годом позже получила степень бакалавра. В конце 1881 г. она поступила в женский медицинский колледж (Филадельфия), но из-за слабого здоровья смогла проучиться лишь несколько месяцев. Смерть отца в том же году стала тяжелым ударом для девушки, восемь последующих лет А. провела в подавленном состоянии, удрученная болезнью, несчастьем и неуверенностью в завтрашнем дне.

В 1883 г. А. вместе со своей подругой Эллен Гейтс Старр отправилась в Европу. Они посетили Тойнби-холл, приют в лондонском Ист-Энде, который обслуживала группа студентов Оксфордского университета. Воодушевленные их работой, А. и Старр вернулись в США, решив найти место, где «они могли бы научиться жизни у самой жизни». Поиски привели их в 19-й квартал Чикаго, район бедняков, населенный иммигрантами. В сентябре 1889 г. подруги перебираются в дом Чарлза Халла и организуют там эксперимент, который привлек внимание виднейших реформистов будущего.

В течение нескольких лет в Халл-хаусе были организованы детские ясли, библиотека, гимнастический зал, переплетная мастерская, коммунальная кухня, художественная студия, музей труда, а также пансион для молодых работниц. Здесь разместились десятки клубов, группа художников, музыкальная школа и даже труппа артистов. Жители квартала могли брать уроки английского языка, кулинарии, шитья и литературы. Многие тысячи обитателей трущоб посещали Халл-хаус в разное время. Благодаря поддержке состоятельных чикагских филантропов возможности Халл-хауса

значительно возросли; он насчитывал теперь тринадцать зданий, заметно расширились образовательная, социальная и рекреационная сферы деятельности.

Но благотворительная деятельность меценатов в ряде случаев сдерживалась попытками А. политическими методами улучшить жизнь бедняков. Халл-хаус немало способствовал принятию первого в Иллинойсе закона об инспекции фабрик в 1893 г., двумя годами позже в Халл-хаусе был издан социологический обзор предприятий с потогонной системой труда, густонаселенных жилых кварталов и т.п. Под давлением Халл-хауса был создан и первый в стране суд по делам несовершеннолетних (1889). А. использовала свое влияние для разработки законодательства о детском и женском труде, обязательном посещении школы и технике безопасности в промышленности. Как и другие образованные женщины, она занялась лоббизмом, собирая данные, ведя статистику и воздействуя на общественное мнение.

Твердо убежденная, что «моральные силы женщин» должны выражаться в голосовании, А. принимала участие в чикагской кампании суфражисток 1907 г., с 1911 по 1914 г. она являлась вице-президентом Американской ассоциации за избирательное право женщин, присутствовала на съезде Международного союза женского избирательного права в Будапеште. По мнению А., природа наделила женщин всем необходимым для участия в жизни общества, и, получив гражданские права, женщины могли бы внести в решение социальных проблем гораздо больший вклад. После принятия прогрессивной партией конвенции 1912 г. А. пересмотрела отношение к кандидатуре Теодора Рузвельта, проведя кампанию в его поддержку.

С началом первой мировой войны А. приняла участие в движении пацифистов. В январе 1915 г. она была избрана председателем вновь созданной Женской партии мира. Несколько месяцев спустя вместе с Эмили Грин Болч А. участвовала в работе Международного конгресса женщин в Гааге. К этому же времени относится безуспешная попытка с помощью нейтральных стран добиться перемирия между воюющими государствами.

Когда США в 1917 г. вступили в войну, А. не изменила своим пацифистским взглядам. Она протестовала против мобилизации, в разгар военной истерии организовала кампанию защиты немецких иммигрантов, сотрудничала с Американской администрацией помощи (АРА), руководимой Г. Гувером, с целью оказания продовольственной помощи детям и женщинам Германии. В 1920 г. А. была в числе основателей Американского союза гражданских свобод. В то время ее взгляды разделяли немногие; пресса поносила А., Рузвельт называл ее «могучей мышью», а министерство юстиции установило за ней надзор. По обвинению в подрывной деятельности и предательстве она была исключена из Союза дочерей американской революции, ставились ей в вину и коммунистические взгляды.

Ее приверженность к миру не кончилась с войной в Европе. В 1919 г. А. была избрана президентом Международной женской лиги за мир и свободу,

обязанной своим появлением Гаагскому конгрессу 1915 г. Лига выступала за «решение конфликтов за счет человеческой солидарности, умиротворения и мирового сотрудничества, установления социальной, политической и экономической справедливости для всех без различия пола, рас, классов и религии».

А. считала, что политика пассивного сопротивления, пропагандируемая Махатмой Ганди, сама по себе не гарантирует мира, сохранить который может только организованное давление на правительство. Под руководством А. Международная женская лига стремилась устранить военную опасность через пересмотр мирных договоров, отказ от воинской повинности, всеобщее разоружение, прекращение выплат по репарациям. Совместно с Эмили Грин Болч, секретарем-казначеем лиги, А. пыталась воздействовать на Лигу Наций, добиваясь ее демократизации путем признания прав меньшинства. Пошатнувшееся здоровье заставило ее выйти из Женской лиги в 1929 г.

В 1931 г. (после повторного представления) А. стала первой американкой, удостоенной Нобелевской премии мира как «подлинный делегат всех миролюбивых женщин мира». А. разделила премию с Николасом Мьюррзеем Батлером. Нездоровье помешало ей присутствовать на церемонии награждения.

Всю свою жизнь А. провела среди женщин. Из-за болезни позвоночника она не могла иметь детей и не вышла замуж. Друзья вспоминали ее как человека дружелюбного и отзывчивого, хотя и склонного замыкаться в себе. Ее связывала самая теплая дружба с Эллен Гейтс Старр и Мэри Розет Смит. В последние годы жизни А. проводила больше времени у М. Смит, чем даже в Халл-хаусе. Она умерла от рака 21 мая 1935 г. и похоронена в Седервилле, на небольшом кладбище.

Деятельность А. оказала впечатляющее воздействие на гуманитарную сферу жизни общества. Работа в Халл-хаусе не только смягчила отчуждение и бедственное положение иммигрантов, но и послужила примером для организаторов таких учреждений повсеместно. Усилия А. по улучшению условий жизни на городских окраинах породили новую профессию социального работника. Стремясь искоренить вражду между людьми, А. осталась пацифисткой, несмотря на сильнейшее давление в годы мировой войны. Военная истерия и травля красных не помешали ей последовательно выступать в защиту личных гражданских прав. Несомненной заслугой А. являются попытки влиять на правительства в пользу диалога и разоружения.

Для А. мир был не просто отсутствием войны, но условием человеческой жизни. Женщины, с их особой одухотворенностью, по мнению А., созданы для миротворчества. Она неоднократно подчеркивала «историческую роль женщин в осуществлении основных человеческих прав». Играя эту роль в течение многих лет, А. оставила яркий след в традиции американского реформизма.

БОЛЧ (Balch), Эмили Грин

8 января 1867 г. — 9 января 1961 г.

Нобелевская премия мира, 1946 г.

совместно с Джоном Моттом

Американская экономистка, провозвестница социальных реформ и активистка движения за мир Эмили Грин Болч родилась в старинном новоанглийском семействе близ Бостона (штат Массачусетс). Вторая дочь Фрэнсиса Вернье Болча и Эллен Марии Нойес Б. была воспитана в традициях унитаризма, предусматривавшего строгость мышления, самодисциплину и высокие требования морали. Отец Б. был состоятельным адвокатом, в прошлом — помощник Чарлза Самнера, пацифиста и аболициониста.

На примере биографии Б. можно видеть, насколько расширились в конце XIX в. возможности получения образования для женщин. В 1886 г. Б. поступила в недавно созданный женский колледж, и три года спустя ей была присвоена степень бакалавра; преподаватели характеризовали Б. как человека «неподражаемой красоты души». В течение следующих двух лет Б. посещала лекции в Сорбонне, изучая французскую систему помощи бедным.

Вернувшись из Европы в 1891 г., Б. стала социальным сотрудником Бостонского общества помощи детям. В следующем году совместно с энтузиастами домов-коммун она основала в Бостоне Денисон-Хаус. Тогда же Б. увлеклась профсоюзным движением и в 1893 г. вступила в Федеральный союз труда. Но, ощущая постоянную потребность «приносить пользу», Б. вскоре пришла к выводу, что более эффективным будет преподавательская деятельность, в рамках которой можно было бы «пробуждать в ученицах желание трудиться для улучшения социальных условий». Вдохновленная этой целью, Б. принялась за изучение экономики в колледже Гарвард-Эннекс (позже переименованном в Рэд-клифф-колледж), в Чикагском университете, завершив образование в Берлинском университете (1896).

Завершив обучение, Б. начала преподавать экономические науки в колледже Уэльсли, где ее коллегами стали Кэтрин Коман, Вида Скаддер, Эллен Хэйес. Необычные по тематике и содержанию курсы Б. освещали вопросы социализма, теории потребления, труда, иммиграции, роли женщин в экономике. Одна из ее учениц, Мэри Вьюмен, позже рассказывала, что Б. стремилась донести до слушателей необходимость отказа от классовых и расовых предрассудков.

Академические занятия Б. дополнял интерес к реформизму, постепенно она сблизилась с людьми радикальных взглядов. Б. часто поддерживала непопулярные забастовки, в 1902 г. она стала одним из основателей бостонского отделения Женской профсоюзной лиги, организации, добивавшейся повышения зарплаты и лучших условий труда для женщин. Объявив себя социалисткой в 1906 г., Б. стала исполнять различные государственные и муниципальные обязанности. В 1913 г. она возглавила

комиссию по минимальной заработной плате, которая провела первый национальный закон о минимуме оплаты труда.

Увлечение Б. социальными вопросами не только обогатило ее преподавательскую деятельность, но и побудило к научной работе. В 1904...1906 гг., изучая проблемы иммиграции и расизма, она посетила ряд славянских общин в США и даже совершила поездку в Австро-Венгрию, откуда прибывала основная масса иммигрантов. Результатом исследований стала публикация книги «Наши сограждане — славяне» («Our Slavik Fellow Citizens», 1910), где опровергнуты взгляды о расовой неполноценности славян, на которые опирались требования об ограничении иммиграции. В 1913 г. Б. заняла профессорскую должность в колледже Уэльсли и была на пять лет избрана деканом отделения экономики и социологии.

С началом первой мировой войны Б., Джейн Аддамс и 40 других активисток образовали делегацию США на Международном конгрессе женщин 1915 г. в Гааге; стремясь выработать план окончания войны, Б. пришла к выводу, что международный пацифизм наиболее подходящее средство для выражения ее взглядов. В течение двух лет Б. писала статьи для либерального журнала «Нэйшн», выступая против войны, мобилизации, законодательства о шпионаже. Как член Комитета против милитаризма (существовал до возникновения Американского союза гражданских свобод) Б. защищала противников войны и принимала участие в их демонстрациях. Администрация колледжа Уэльсли неоднократно выражала недовольство взглядами Б., и в 1918 г. она оставляет работу.

С тех пор Б. полностью посвятила себя борьбе за мир. В 1919 г. она участвовала в работе 2-го Международного конгресса женщин, учредившего Женскую международную лигу за мир и свободу. Первый секретарь-казначей лиги Б. видела цель организации в отказе от войны. В связи со своими новыми обязанностями она вступила в тесный контакт с только что созданной Лигой Наций. Переписка с ее руководителями показывает широту интересов Б.: среди обсуждавшихся вопросов — международное разоружение, вступление в Лигу Албании, борьба с наркоманией, защита прав меньшинства.

В 1926 г. Б. представляла Женскую лигу в комиссии, обследовавшей условия жизни в оккупированной Гаити; отчет комиссии, одним из авторов которого была Б., рекомендовал вывод американских войск и самоуправление острова. Б. находилась у истоков межнациональных воскресных школ. Отдавая много сил работе в различных комиссиях, Б. отличалась также способностью примирять различные точки зрения, приводить спорящие стороны к согласию. Стремление к сотрудничеству, по мнению Б., на международной арене могло бы обеспечить прочный мир.

В 30-е гг., встревоженная гонениями на евреев в нацистской Германии, Б. приняла участие в судьбе беженцев. Начало второй мировой войны поставило Б. перед необходимостью определить свое отношение к пацифизму. После нападения Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. Б.

отошла от абсолютного пацифизма и приветствовала вступление Америки в войну. Однако от имени Лиги она оказывала помощь американцам японского происхождения, интернированным в специальные лагеря. Б. осудила правительственную политику, нацеленную на безоговорочную капитуляцию Японии, полагая, что это затянет войну; в 1944 г. она представила президенту Франклину Д. Рузвельту предложения о послевоенном умиротворении.

В 1946 г. Б. стала второй американкой, удостоенной Нобелевской премии мира. Она была награждена за «многолетний, неутомимый труд на благо мира». Б. разделила премию с Джоном Моттом. Болезнь сердца помешала ей присутствовать на церемонии вручения, Нобелевскую лекцию «К единству человечества. Преодолеть национализм» она представила позже, во время поездки в Норвегию в апреле 1948 г.

Поднимаясь над традицией, разделяющей народы, Б. считала себя дома повсюду, где бы она ни находилась. Она называла себя «безличным существом», способным жить одними книгами, религией и природой. «От нас не требуется поклонение той или иной утопии, вера в превосходный мир, — говорила Б. в Нобелевской лекции, — надо всего лишь вооружиться мужеством, надеждой, готовностью к труду и сохранить идеалы достоинства и великодушия».

В 1956 г. Б., не имевшая семьи, переехала в Кембриджскую лечебницу (штат Массачусетс), где и скончалась в 1961 г.

(Лауреаты Нобелевской премии: Энциклопедия:
Пер. с англ.— М.: Прогресс, 1992.)

ПАСТЫРСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ «О ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ» («Gaudium et Spes», 1965)

79.2 Взирая на это плачевное состояние человечества, Собор прежде всего намеревается напомнить о непреходящем значении естественного права народов и его универсальных принципов. Само сознание рода человеческого всё более и более твёрдо провозглашает эти принципы. Поэтому действия, сознательно им противоречащие, а также приказы, предписывающие совершать такие действия, являются преступными, и слепое послушание не может извинить тех, кто эти приказы исполняет. К этим действиям нужно прежде всего причислить те, посредством которых по какой-либо причине тем или иным способом уничтожаются целые народы, нации или этнические меньшинства. Такие действия следует решительно осудить как ужасные преступления. И напротив, нужно в высшей степени одобрять мужество людей, не боящихся открыто сопротивляться тем, кто отдаёт подобные приказы. (...)

79.3 (...) Кроме того, представляется справедливым, чтобы законы проявили гуманную предусмотрительность в случае тех людей, которые по мотивам совести отказываются употреблять оружие: пусть они выберут какую-либо иную форму служения человеческому обществу.

80.3 Всякая война, нацеленная на сплошное уничтожение целых городов или обширных регионов вместе с их населением, является преступлением против Бога и самого человека, которое подлежит твёрдому и немедленному осуждению.

(Документы II Ватиканского собора. М., «Паолине», 1998.)

В мае 1983 г. пастырское послание католических епископов, поддержанное протестантскими церквями США, безоговорочно осудило не только применение ядерного оружия, но и планы такого применения, подвергло резкой критике доктрину «сдерживания» и призвало правительство США сделать первый шаг на пути к разоружению.

(Современные США. Энцикл. справочник. М., «Политиздат», 1988.)

КОММЕНТАРИИ

Джим Форест. Биография Дороти Дэй.

Написано на основе очерков Джима Фореста и энциклопедий.

(Оригинал: <http://www.catholicworker.org/dorothyday/ddbiographytext.cfm?Number=72>)

К очерку Дж.Фореста имелось предисловие:

Это эссе Джима Фореста о Дороти Дэй было подготовлено для «Энциклопедии истории католицизма в Америке / The Encyclopedia of American Catholic History», выпущенной «Liturgical Press». Джим Форест в свое время был редактором газеты «Рабочий-Католик / The Catholic Worker». Он является автором книг «Любовь — это Мера: Биография Дороти Дэй»; и «Живущий в премудрости: Биография Томаса Мертона» (русский перевод: Джим Форест. Живущий в премудрости. — М.: Истина и жизнь, 2000). Обе вышли в издательстве «Orbis».

Дочь Дороти Дэй, Тамара-Тереза Дэй, умерла в 2008 году.

Стейтен-айленд — остров, на котором расположен округ Ричмонд г. Нью-Йорка; входит в состав территории города, хотя и отделен от основной его части широкой Нью-Йоркской бухтой. Находится в 8 км к югу от Манхэттена. Площадь 150 кв. км. Население около 379 тыс. человек. Представляет собой жилой район города. Связан паромом с Манхэттеном, мостом Верразано-Нэрроуз / Verrazano-Narrows Bridge с Бруклином и тремя короткими мостами со штатом Нью-Джерси. До прихода европейцев был населен индейцами-алгонкинами, в 1661 захвачен голландцами. На острове сохранились здания XVII-XIX вв. Стал частью города Нью-Йорка в 1898.

Гринвич-Виллидж (точнее Гренич-Виллидж), или просто «Виллидж», — жилой район в Нью-Йорке, на западе Нижнего Манхэттена. В 1630 году голландцы основали здесь поселение Нортвейк. В 1664 году, после захвата англичанами, стал быстро расти. С 1713 года — название Гринвич-Виллидж. С начала XX века Гринвич-Виллидж стал пристанищем для людей богемы и радикальных политических деятелей (Юджин О'Нил, Айседора Дункан, Джон Рид). Художник Марсель Дюшан и его друзья запускали с вершины арки на Уошингтон-сквер (центральная площадь района) воздушные шары, провозглашающие «Независимую Республику Гринвич-Виллидж». В 1950-е годы Гринвич-Виллидж становится одним из центров движения бит-поколения (Джек Керуак, Ален Гизберг), фолк-рока (Боб Дилан, Саймон и Гарфанкел). Гринвич-Виллидж сыграл важную роль в движении за права сексуальных меньшинств. Этот район известен антивоенными и пацифистскими акциями, проводившимися там.

Христианское Братство или *Салезианское общество* — основано св. Джованни Боско (1815-1888, Пьемонт, Италия) и названо так в честь своего небесного покровителя, св. Франциска Сальского. В 1844 году дон Боско начал собирать детей из бедных семей и беспризорников. Он играл с ними и учил их катехизису. В 1845 открылась первая вечерняя школа. Общество стабильно росло. Очень многие подростки нуждались в освоении какого-нибудь ремесла, без чего они не могли устроиться на работу. В 1852 началось строительство просторных школ и ремесленных мастерских. В 1859 году было официально основано Общество Св. Франциска Сальского. Педагогика дона Боска исключала наказание. Соблюдения правил добивались развитием искреннего чувства долга, постоянным устранением малейших поводов к непослушанию. Без похвалы не оставалось ни одно усилие, направленное к добродетели, каким бы банальным оно ни было. С 1875 Салезианские общины появились и за пределами Италии: во Франции с 1886, в США с 1898. Когда дон Боско умер в 1888 году, в мире насчитывалось 250 салезианских обителей, в которых находилось 130 тысяч воспитанников. (См. http://www.krotov.info/lib_sec/02_b/bos/bosco.htm).

«Рабочий-Католик» — ежемесячная газета, издаваемая «Движением Рабочих-Католиков» в Нью-Йорке. Основана Дороти Дэй и Питером Морином. Дороти говорила, что слово «Рабочий» в названии газеты означало «тех, кто работал руками или головой, тех, кто совершал физическую, умственную, или духовную работу. Но мы думали прежде всего о бедных, бесправных, угнетенных». Во время Великой Депрессии коммунистические идеи были очень популярны в США, а Дэй и Морин хотели, чтобы бедняки, главным образом католики, вернулись к их собственной традиции для решения своих проблем, хотели показать им прогрессивное социальное учение Католической церкви. Поэтому первый номер газеты был выпущен на Первое Мая 1933 года, тиражом 2 500 экземпляров. Через несколько месяцев тираж газеты вырос до 25 000, а в 1936 году достиг 150 000. Дэй была редактором газеты до самой своей смерти в 1980 году. Цена номера всегда была 1 цент. Авторы статей были весьма различны: от молодых активистов до таких известных фигур как Амон Хеннэки / Ammon Hennacy, Томас Мертон / Thomas Merton, Дениель Берриган / Daniel Berrigan и Жак Маритен / Jacques Maritain. Эйд Бетьюн / Ade Bethune и Фриц Эйхенберг / Fritz Eichenberg иллюстрировали газету.

«Движение Рабочих-Католиков» — организация, основанная Дороти Дэй и Питером Морином в 1933 году. Ее цель состоит в том, чтобы «жить в соответствии со справедливостью и милосердием Иисуса Христа». Один из его руководящих принципов — гостеприимство к тем, кто оказался на краю общества. В 1995 году было 134 местные коммуны Рабочих-Католиков, только три из них за пределами США. В 2008 году насчитывалось более 185 — в 11 странах. Каждый дом имеет свою особую миссию, выполняет свою социальную поддержку своими собственными способами, наиболее подходящими для данного района. Движение проводит кампании в

поддержку отказу от насилия и активно выступает как против военных действий, так и против глобального неравенства в распределении богатств. Оно отказалось добиваться освобождения от налогов, видя в получении такого статуса зависимость от государства и ограничение своей свободы действий. После смерти Дороти Дэй у движения нет никакого лидера, нет совета директоров, системы управления, зарплат и пенсий. Каждое сообщество автономно.

Марк и Луиза Цвик. Дороти Дэй, пророк пацифизма в Католической Церкви.

Статья была напечатана в газете «Хьюстонский Рабочий-Католик», год издания XVII, Номер 5, сентябрь-октябрь 1997. (Оригинал: <http://www.cjd.org/paper/pacifism.html>)

Фрагмент из книги С.Н.Кондрашова и очерк Дж.Фореста были напечатаны в газете «Альтернативщик», в 2009 году, в № 22 и № 23 соответственно (см. <http://antimilitary.narod.ru/ags/prensa/alternativschik.htm>). Статья М. и Л. Цвик была размещена в электронной библиотеке Я.Г.Кротова: http://krotov.info/history/19/1890_10_2/1887dey.htm.

СОДЕРЖАНИЕ

Джим Форест. Биография Дороти Дэй	3
Марк и Луиза Цвик. Дороти Дэй, пророк пацифизма в Католической Церкви	12
С. Н. Кондрашов. Протест	22
Лауреаты Нобелевской премии мира: Джейн Аддамс и Эмили Грин Болч	29
Пастырская Конституция «О Церкви в современном мире» («Gaudium et Spes», 1965), фрагменты	35
Комментарии	36

“Дороти Дэй и «Движение Рабочих-Католиков»”

Редактор: Адаменко В.В.
Эл. адрес: adamenko77@gmail.com

Макет создан: 29.08.14
Сдан в печать:

Тир. 999 экз.